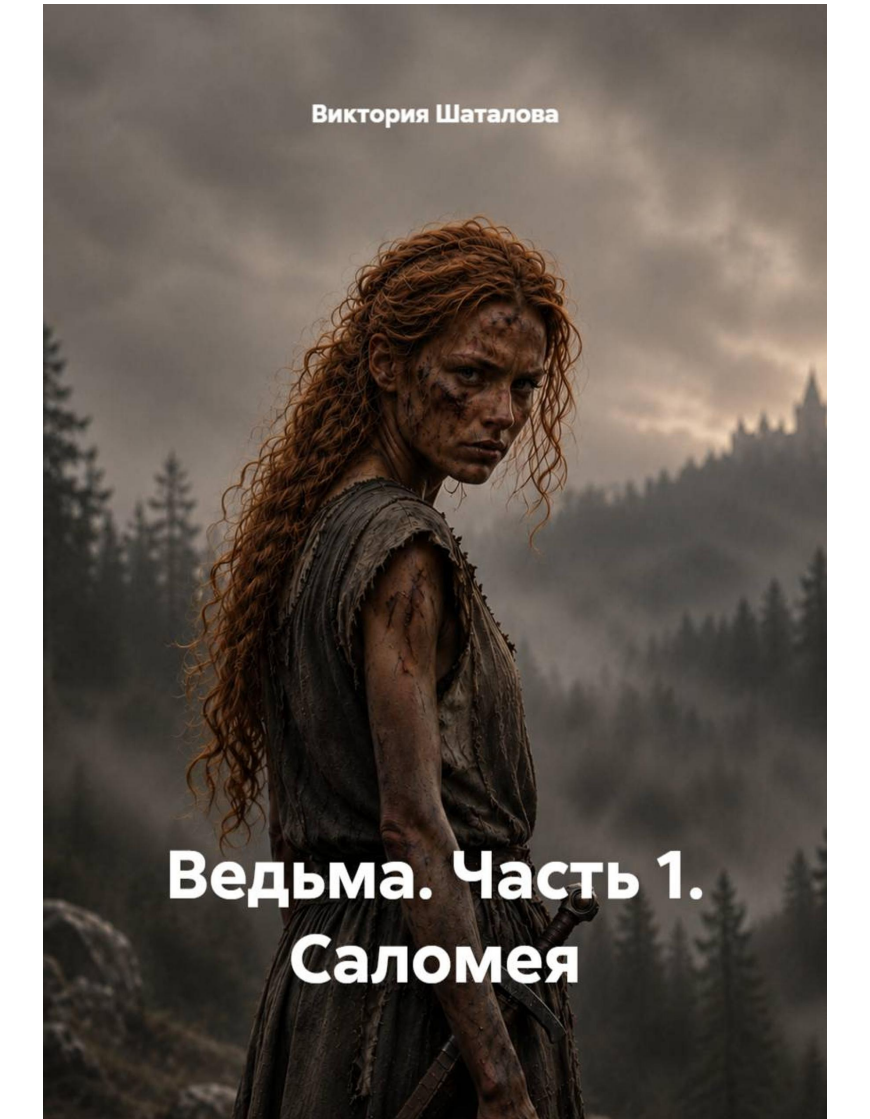

A woman with long, wavy red hair and mud smeared on her face and arm, looking over her shoulder. She is wearing a dark, tattered dress. The background is a misty forest with a castle on a hill in the distance.

Виктория Шаталова

Ведьма. Часть 1.
Саломея

Виктория Шаталова

Ведьма. Часть 1. Саломея

<https://litres.ru/74180088>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ночь. Лес. Погоня.

Саломея бежит, сжимая в руке меч человека, который отдал за неё жизнь. Её преследуют баронские псы, а в ушах всё ещё звучит шёпот: «Беги, не оглядывайся».

Когда-то она была просто Авелин — дочерью кузнеца, которая поверила рыцарю с красивой улыбкой. Платой за доверие стало предательство, грязь и изгнание. Но она не погибла в лесу. Она стала Саломеей — той, кто умеет ждать и убивать без дрожи.

Эта история о том, как рождаются ведьмы. О крови на вереске, о голосе из каменного мешка и о том, что настоящая свобода начинается только после того, как потеряешь всё.

Содержание

Глава 2. Лето, которое сожгло меня	10
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виктория Шаталова

Ведьма. Часть 1. Саломея

Глава 1. Кровь на вереске

Я бегу.

В груди не воздух – мелкие осколки. Каждый вдох режет изнутри, я слышу, как хрипит горло, как в нём булькает что-то мокрое. Глаза слезятся от пота, я не вижу земли – только мелькают серые пятна мха, чёрные корни, жёлтые листья. Платье – я не помню его цвета – висит мокрыми лохмотьями, липнет к ногам, путается в коленях. Я отдираю его рукой, ткань рвётся, но тут же налипает снова.

Сзади лай. Не один голос – стая. Баронские псы, их учили брать след по крови и поту. Я выжата как тряпка, вся мокрая, и ветер дует в мою сторону, значит, они чуют меня за полмили, может, меньше.

Я спотыкаюсь о корень, падаю на колени. Грязь брызгает в лицо, в рот. Я чувствую вкус торфа, прелых листьев и земли. Я пытаюсь встать, и в этот момент меч, висящий на поясе, бьёт меня по бедру. Кость ноет, будто треснула. Я сдерживаю крик,жимаю рот ладонью и смотрю вниз.

Меч Томаса. Рукоять обмотана старой кожей, протёртой до дыр. Пахнет потом и железом – его потом, его руками. Я ещё помню, как он сжимал эту рукоять, когда мы проби-

рались коридорами замка. Он сжимал её так, что костяшки побелели, а сам дышал мне в ухо: «Ничего не бойся».

В ушах – его голос. Сорванный шёпот: «Просто беги. Если я упаду – не оглядывайся». Я тогда хотела сказать ему что-то важное, но мы бежали, и я не успела. Я даже не помню, какое это было слово. Только чувствую, как оно застревает в горле, когда я сжимаю его меч.

Я встаю. Ноги дрожат, колени подгибаются, но я делаю шаг. Второй – тяжелее, третий – ещё тяжелее. Надо уйти. Если они настигнут меня здесь, в этом лесу, они не поведут меня обратно в каземат – они убьют на месте. Барон отдал приказ: «Живую не брать». Он сказал это мне в лицо, когда его люди вязали меня. Он стоял в пол-аршина от меня, брызгал слюной, и я видела его старые, выцветшие глаза.

Я отмахиваюсь от воспоминания. Сейчас это не важно.

Лай ближе. Я слышу, как собаки рычат, как их лапы чавкают по мокрой земле. Они уже не просто за мной – они настигают. У меня может быть пять минут, может, десять. Если я найду реку или ручей – след оборвётся. Но я не знаю, есть ли здесь вода. Я вообще не знаю этого леса.

Я оглядываюсь на бегу. За кронами деревьев – шпили замка. Серые, острые, как клыки. Мне кажется, я вижу дым из труб казематов – или это у меня в глазах темнеет.

Платье снова цепляется за куст. Я резко дёргаю его, слышу треск – подол остаётся на ветках. Теперь я в лохмотьях до середины бедра, ноги голые, вереск царапает кожу до крови.

Я чувствую, как капли текут вниз, смешиваются с грязью и болотной жижей. Мне не больно. Или больно, но я перестала различать.

Я мчусь вперёд, не разбирая дороги. Ноги скользят по мокрой траве, я падаю, встаю, бегу. Лес вокруг меня – тёмный, враждебный. Он не знает меня, и я не знаю его. Я слышу, как за спиной трещат ветки – погоня.

И вдруг слева, в папоротнике, раздаётся резкий шорох. Я реагирую без мысли – разворот, удар, меч Томаса со свистом врубается в зелень. Я чувствую, как лезвие встречает мягкую плоть, как оно входит и останавливается о кость. Влажный хруст. Кровь брызгает мне на пальцы – тёплая, липкая.

Я замираю. Дышу через рот. Медленно раздвигаю ветки клинком.

На земле, в луже быстро темнеющей крови, лежит заяц. Большой, серый, с длинными ушами. Одна лапа ещё дёргается, из бока толчками вытекает алая струя. Мох под ним становится тёмно-багровым. Глаза у зайца выпученные, стеклянные – он смотрит на меня, но уже не видит.

Я смотрю на него. Дрожь пробегает по спине. Это не страх – это облегчение. Просто заяц. Не охотник, не пёс, не баронский палач.

Я опускаюсь на корточки, кладу меч на траву. Пальцы дрожат, когда я беру зайца за уши. Он тёплый, тяжёлый, мускулистый. Он жил, бегал, жевал кору – и вот он у меня в руках, мёртвый. Я не могу вернуть его.

Ну что, косой – говорю я хрипло. – Повезло тебе, что я не голодная. – Я провожу ладонью по его шерсти. – А знаешь, я ведь тоже когда-то была как ты. Думала, что если затаюсь – меня не заметят. Но зайцев едят, ушастый. Надо было не бояться, а кусаться.

Я встаю. Закидываю зайца на плечо – он будет мне ужином, если я доживу до вечера. Привязываю его ремешком от пояса, тушка стучается о бедро – тяжёлая и тёплая. Поднимаю меч Томаса, вытираю о траву, кладу в ножны.

И тут снова лай. Совсем близко. Они уже в четверти мили, может, меньше.

Я бегу. Теперь не разбирая дороги, просто вперёд, туда, где деревья реже. Заяц бьётся у меня за спиной, я чувствую, как его кровь капает на голую кожу, и это странно успокаивает – я не одна, даже если вторая – мёртвый зверь.

Ветки хлещут по лицу, оставляют красные полосы. Я зажимаюсь на мгновение, и в темноте перед глазами вспыхивает лицо Томаса. Он улыбается – его последняя улыбка, когда он отдавал мне меч. Он сказал: «Ты справишься». Я не ответила, потому что стрела уже входила ему в спину, и он падал в грязь, а я цеплялась за его руку, пальцы скользили по его пальцам, и я не могла удержать его.

Открываю глаза. Слез нет – они высохли.

– Ты говорил, я не ведьма, – шепчу я в пустоту. – Ты говорил: у ведьм мёртвые глаза, а у тебя живые. А теперь у тебя мёртвые, а у меня – всё ещё горят.

Где-то за деревьями слышу крик:

– Она там! Вижу следы!

Топот. Несколько пар ног. У них факелы – я вижу отблески на стволах. Их много.

Я сворачиваю в чащу. Ноги утопают во мху, я тону по щиколотку, выдираю ноги из болотной каши. За мной чавканье – они тоже вязнут.

Я останавливаюсь у старого дуба, прижимаюсь спиной к коре, сжимаю рукоять меча. Сердце колотится как кузнечный молот. Я вспоминаю отца, как он бил по раскалённому железу – раз, раз, раз – и искры летели во все стороны. Сейчас искры – мой страх. Я должна их погасить.

Я открываю глаза. Смотрю на меч.

– Ну что, Томас – говорю я. – Ты хотел, чтобы я жила. Я живу. Если они настигнут меня, я убью хотя бы одного. Ради тебя.

Они приближаются. Я слышу голоса:

– Она где-то здесь! Ищите!

Где-то слева тявкает собака. Впереди обрыв. Я не знаю, глубокий ли он – но я не вернусь в замок.

Я делаю шаг вперёд. Заяц качается на поясе. Кровь капает на мох – кап, кап, кап. Каждая капля – секунда.

И вдруг – тишина. Голоса стихают. Собака замолкает.

Я стою, не дыша. Вслушиваюсь. Только ветер и деревья. Где-то далеко кричит сова.

Я не понимаю, что произошло. Но я не жду разгадки. Раз-

ворачиваюсь и бегу к обрыву. Если упаду – значит, так надо.

Я бегу. Земля уходит из-под ног. Ветер свистит в ушах. Заяц бьётся о спину, как второе сердце.

Я бегу. Томас велел мне бежать. Агнес сказала: «Ты выйдешь». Мэри, Финн, Оуэн, Годрик – они ждут меня за этим лесом. Я не могу оставить их без песни.

Я бегу. И не останавливаюсь. А память возвращает меня к тому, с чего все началось.

Глава 2. Лето, которое сожгло меня

В кузнице пахло углём и раскалённым железом. Он был моим воздухом с тех пор, как я научилась держать клещи.

Отец стоял у горна. Пот стекал по его волосам, капал на раскалённую полосу железа, и она шипела, испуская белый пар. Молот в его руке поднимался и опускался с ритмом, который я знала лучше собственного сердцебиения: тук-тук-тук – пауза – тук. Я сидела на чурбаке у стены и точила нож. Камень скрипел, лезвие скользило, я прикусила губу, чтобы не сбиться. Отец учил меня: если отвлекаешься – пальцы останутся на точиле. У меня на левой ладони до сих пор был шрам от его первого урока.

– Не кривись – сказал он, не оборачиваясь. – Ты же не какая-нибудь барышня, которая боится мозолей.

Я не ответила. Отец всегда говорил, когда работал. Ему нужно было, чтобы кто-то слушал, чтобы слова шли вместе с ударами молота. Мать давно перестала заходить в кузницу – она говорила, что шум у неё в голове.

– Нашёл я тебе жениха – сказал он вдруг, и молот на миг замер. – Сын мельника. Парень хоть и глуповат, но руки золотые. Мельница его. Хорошо жить будете.

Я перестала точить. Смотрела на свои руки – грубые, с обломанными ногтями, с въевшейся в кожу сажей.

– Я не хочу замуж – сказала я тихо.

Отец усмехнулся, не поворачиваясь.

– Дурочка. Замуж выходят не потому, что хотят, а потому, что надо. Ты скоро останешься одна. Кто тебя кормить будет?

– Я сама себя прокормлю, буду как ты, кузнецом – сказала я, сжимая нож.

– Кузнецом? – он хмыкнул и выпрямился, вытирая лоб. – Девка-кузнец. Смех один. Никто не даст тебе заказ.

Я ничего не сказала. Спорить с отцом было бесполезно. Он любил меня, но он был человеком своего времени. Женщина у горна – позор. Женщина без мужа – ничто.

Я встала, положила нож и вышла во двор. Воздух снаружи казался ледяным после кузнечного жара, хотя июльское солнце стояло в зените. Я подошла к колодцу, умылась. Вода была холодной, почти ледяной. Я смотрела на своё отражение, пока круги не успокоились. Рыжие волосы, собранные в небрежную косу. На щеке – сажа. Глаза – зелёные, отцовские. Я не была красивой. Но в них был какой-то огонь, которого я сама боялась.

И тогда я услышала стук копыт.

Он ехал по дороге, которая вела к нашей кузнице. На вороном коне, в дорогом плаще, с арбалетом за плечом. Солнце играло на его светлых волосах. Он двигался так, будто вся земля принадлежала ему.

Когда он поравнялся с нашим плетнём, он остановился. Оглядел двор, потом его взгляд упал на меня. Я стояла с мок-

рым полотенцем в руках, в старом платье, босая, но чувствовала себя голой под его взглядом.

– Эй, девочка, – окликнул он. – Твой отец здесь?

Я открыла рот, но слова застряли в горле. Он был красив. Не той красотой, что на картинках святых, а опасной красотой хищника.

– Он ушёл к соседям, – выдавила я. – Но, если вам нужна подкова или гвоздь, я могу... я умею.

Он усмехнулся, спешил к подошёл к калитке. Я почувствовала запах его духов – лес, мускус, что-то сладкое и пряное. Такого я никогда не нюхала.

– Кузнецова дочка, – протянул он, оглядывая меня. – А ты смелая. Не каждая девушка скажет, что умеет работать с молотом.

\"– Я с детства помогаю отцу\", – сказала я.

– Как тебя зовут?

– Авелин.

– Красивое имя, – он улыбнулся. – А я сэр Гилберт. Рыцарь. Ищу ночлег на ночь. Могу заплатить.

Он вытащил из кармана монету и бросил её мне. Я поймала – серебро обожгло ладонь. Больше, чем отец зарабатывал за месяц.

– Я скажу отцу, – пролепетала я и побежала в кузницу, чувствуя, как его взгляд скользит по моей спине.

Отец вернулся через час. Гилберт сидел на крыльце и точил меч. Я боялась подойти к нему. Боялась, что он скажет

что-то ещё, от чего у меня подогнутся ноги.

Но он не сказал. Только подмигнул мне, когда отец подошёл к калитке.

Мы ужинали втроём. Мать накрыла стол, хотя у неё тряслись руки – она тоже никогда не видела дворян так близко. Я сидела напротив Гилберта и смотрела, как он ест: медленно, аккуратно, будто каждый кусок хлеба требовал внимания. Он рассказывал о битвах, о турнирах, о замках. И я видела эти замки, слышала звон мечей, чувствовала запах факелов.

После ужина он вышел во двор. Я сидела на крыльце, обхватив колени, и смотрела на луну. Он подошёл, сел рядом.

– Ты не похожа на деревенских – сказал он. – У тебя глаза с огнём. Ты мечтаешь о большем, чем этот двор?

– Мечтаю, – вырвалось у меня. – Но отец говорит, что это не для женщин.

– Твой отец старомоден, – он взял меня за руку, и я почувствовала, как по телу разливается странное тепло. – Я мог бы показать тебе мир. Если ты захочешь.

Я задохнулась. Смотрела на его руку, на наши переплетённые пальцы. И думала: «Это любовь. Это судьба».

Он повёл меня на сеновал. Я шла за ним, как слепая. Пахло сухой травой и летом. Он поднялся первым, потом протянул мне руку.

– Иди сюда – сказал он. – Я не укушу.

Я поднялась. Он сидел на сене, сняв плащ, и смотрел на меня. Я села рядом, оставляя пустоту между нами, но он тут

же подвинулся ближе.

– Ты ведь хочешь этого? – прошептал он, нависая надо мной. – Ты не боишься?

Я не боялась. Я горела. Его рука легла мне на плечо, потом на шею, и я чувствовала, как кожа покрывается мурашками. Позволила ему коснуться меня. Позволила развязать тесёмки. Я смотрела в тёмное небо сквозь дыру в крыше и шептала про себя: «Сейчас я стану другой».

А потом он сказал:

– Ты девственница?

– Да, – прошептала я.

Он усмехнулся. В этой усмешке я впервые услышала то, что потом буду вспоминать много лет. Не нежность. Удовольствие. От того, что он берёт то, чего никто до него не брал.

Он вошёл в меня, и я закрыла глаза. Думала о замках и гобелены. Думала о том, как завтра мы уедем вместе.

Утром я проснулась от холода. Сеновал был пуст. Я села, натягивая рубаху, и услышала голоса внизу. Гилберт и отец. Я выглянула в щель между досками и увидела, как он затягивает подпругу.

– ...вещица ценная – говорил Гилберт. – Мне нужна была лошадь, а платить монетой я не хотел. Но ваш товар был лучшим в округе.

– Что? – отец нахмурился.

Гилберт засмеялся. Громко, нагло. Он хлопнул отца по

плечу.

– О вашей дочери, конечно. Отличная, свежая, горячая. Спасибо за ночлег.

Я не могла дышать. Гилберт уже взялся за поводья, когда я выскочила из сеновала, босая, растрёпанная.

– Гилберт! – закричала я. – Ты уезжаешь?

Он обернулся. Посмотрел на меня так, будто видел впервые. И усмехнулся – той же усмешкой, что и ночью.

– Дела, милая – сказал он и наклонился, чтобы поцеловать меня в лоб. Его губы коснулись кожи, но я не чувствовала ничего, кроме холода. – Не скучай.

Он ударил коня и исчез за поворотом.

Я стояла во дворе. Смотрела, как он уезжает, и чувствовала, как внутри умирает что-то важное.

– Ты что наделала, дура! – голос отца прозвучал как пощёчина.

Я обернулась. Он стоял у порога, и его лицо было красным, глаза – бешеными.

– Папа, я...

– Я не спрашиваю, что ты делала! – он замахнулся и ударил меня по лицу. Первый раз в жизни. Я упала на землю, чувствуя, как кровь заливает губу. – Ты опозорила меня на всю округу! Какая тебе теперь цена?

– Папа, я любила его, – прошептала я, прижимая ладонь к разбитой губе. – Он обещал...

– Он наврал тебе! – отец сжал кулаки. – Ты такая же дура,

как и твоя мать!

Слова резали сильнее, чем его кулак. Я попыталась встать, но он схватил меня за плечи и толкнул к калитке.

– Убирайся! – рявкнул он. – Ты больше не дочь мне. Иди, куда хочешь, но, чтобы ноги твоей здесь не было!

Я выбежала во двор. Мать стояла у порога и плакала. Она смотрела на меня, и в её глазах был только стыд. Ни капли жалости.

А у калитки уже собиралась толпа. Соседи, старухи, мужики. Они смотрели на меня, как на чуму. Кто-то плюнул в мою сторону, кто-то закричал:

– Ведьма! Растлила рыцаря!

– Сжечь бы её!

– Вон из деревни!

Я попятилась, и чья-то рука толкнула меня в спину. Я упала в грязь. Гнилое яблоко ударило по затылку. Я попыталась подняться, но кто-то пнул меня в бок.

– Я ничего не делала! – закричала я. – Это не я!

Они не слушали. Они гнали меня за околицу, как дикого зверя. Я бежала, спотыкаясь, в рваном платье, босая, с кровью на лице. Бежала, не понимая куда. И когда я остановилась, когда упала на колени и разрыдалась, я была одна. Со всем одна. Только лес вокруг и дорога, уходящая в никуда.

Я сидела на мокрой земле и выла. Я не знала, сколько прошло времени – час, два, может, больше. Но когда я подняла голову, я увидела свет. Впереди, в лесу, горел костёр. Мне было все равно, что будет дальше, поэтому я пошла в его сторону.

Возле костра сидело четыре человека. Старик, карлик, женщина со смоляными волосами и здоровяк.

– Эй, девочка – сказал старик, и в его голосе не было удивления, как будто каждый день к ним на костер приходили

зареванные девочки. – Ты совсем замёрзла? Садись.

Я села у огня, и он протянул мне кружку тёплого эля. Я взяла её дрожащими руками и выпила залпом – горько, обжигаяще, но внутри стало теплеть.

– Что случилось? – спросил он.

– Меня выгнали, – выдавила я. – Я опозорена, и все считают меня ведьмой.

Он хмыкнул и засмеялся – низким, добрым смехом, от которого у меня защипало в глазах.

– Ой, глупая! Да нас тут каждый второй – «ведьма». Вот Мэри, – он кивнул на женщину, которая сидела у костра и чинила плащ, – её тоже выгнали из деревни, потому что она зашибла мужа на ярмарке. А Финна – за то, что он слишком правдив. Мы все изгои, девочка. Добро пожаловать в семью.

– Меня зовут Оуэн – сказал старик. – А тебя как?

– Авелин.

– Авелин - покатал мое имя старик в своем почти беззубом рту и покачал головой. - Нет, это имя зарезанной девочки, заблудшей в лесу. - Будешь Саломеей. Так звали одну царевну, которая умела танцевать и кружить головы мужчинам. И, говорят, она не боялась никого. Тебе подходит.

Я посмотрела на кружку в своих руках. Эль остывал, но внутри меня разгорался какой-то новый огонь. Я сжала пальцы и сказала:

– Саломея. Хорошо.

И с того дня я стала ею.

Мы сидели у костра до самого утра. Я не спала – просто смотрела на угли и слушала, как они дышат. Оуэн дремал, привалившись к дубу. Финн свернулся калачиком у огня. Годрик сидел, обхватив колени, и смотрел в небо. Мэри чинила плащ, не поднимая головы.

Когда небо начало светлеть, Оуэн встал, потянулся и сказал:

– Собираемся. Нам нужно быть в Уэллсе через два дня.

Я поднялась, чувствуя, как ломит спину и ноют ноги. Я не знала, куда мы идём, но я была готова идти за ними – куда угодно, лишь бы не оставаться одной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.